

подъёмы, времена процветания и периоды застоя и упадка, является предостережением для уральской металлургии, что если она не изменит свою макростратегию, не сосредоточит свои усилия на создание прочной сырьевой рудной и топливной базы, ей грозит в ближайшие десятилетия такое же затухание, ждёт такая же судьба, какая постигла Алапаевский металлургический завод.

К.И. Зубков
Екатеринбург

«КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ» ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕНД В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX В.

В 1924 г. немецкий философ О. Шпенглер пророчески предсказал коренное изменение устоявшихся форм мировой политики, которые до сих пор исходили из того, что гигантский по своим материальным и людским ресурсам Евразийский континент «от Вислы до Индии и Китая» (не говоря уже об Африке) призван служить лишь средством «для достижения европейских целей». Глубинное брожение и пробуждение к самостоятельной политической жизни сложной гаммы антиевропейских традиционалистских сил («русско-азиатский» коммунизм, паназитизм, националистические и религиозные движения народов Азии), сравнимые со стихийным «взрывом метафизической страсти», грозят, по мысли Шпенглера, покончить с европейской гегемонией и европейскими формами политики.⁷⁹¹

Хотя предвидение Шпенглера радикально порывало с господствующими европоцентристскими представлениями, оно не выглядело чем-то экстраординарным и абсолютно новым на интеллектуальном фоне начала XX в. П. Кеннеди отмечает, что Алексис де Токвиль еще в 1825 г. предсказал неизбежный подъем России и США как двух внеевропейских держав, способных опираться в своем развитии на масштабное освоение практически неограниченных континентальных баз ресурсов.⁷⁹² Однако эта мысль была высказана де Токвилем задолго до того, как она могла получить какие-либо эмпирические подтверждения, и главное – в столь неопределенной форме, что понадобился еще целый век развития для того, чтобы стали ясны предпосылки и факторы такого переворота в распределении мировых экономических сил.

Колоссальный прогресс индустриального производства, требовавший вовлечения в экономический оборот новых, еще не освоенных

---

⁷⁹¹ Шпенглер О. Новые формы мировой политики // Политическая структура мира: Сб. науч. ст. / Сост.: В.В. Афанасьев, Ю.В. Соколов. – М., 2010. – С. 313–315.

⁷⁹² Kennedy P. Strategy and Diplomacy. 1870–1945. – L., 1989. – P. 47.

баз ресурсов, все более широкое использование универсальных источников (уголь, нефть) и видов (пар, электричество) энергии, общемировой масштаб распространения европейских технических и культурных достижений делали почти неизбежным подъем новых внеевропейских «центров силы», осуществляющих продуктивный сплав модернизации и традиции. Эта новая тенденция мирового развития уже на рубеже XIX – XX вв. нашла свое отражение в опережающем предвидении крупных сдвигов в глобальном геостратегическом балансе сил. В 1904 г. в своем известном докладе Лондонскому Королевскому обществу английский географ Хэлфорд Дж. Маккиндер связал геостратегические преимущества России как растущей мировой державы с ее положением в срединной части Евразийского материка и формированием на этой основе мощной структуры «сухопутной силы», чей стратегический вес растет вместе с перемещением индустрии вглубь континента и прогрессом наземных средств коммуникации.

Самое существенное, что отмечал Маккиндер, – это то, что обладающие значительным демографическим и ресурсно-энергетическим потенциалом континентальные области Евразии отныне могли развиваться с большей или меньшей степенью независимости от структуры мировой океанической торговли, которая в предшествующие эпохи предопределяла тяготение центров экономического роста к приморским областям континентов.⁷⁹³ В этих условиях морская блокада больше не могла служить эффективным средством экономического подавления континентальных держав.

Эта новая тенденция развития была характерна не только для глубинных областей Евразийского материка, но, скорее, несла в себе черты универсального феномена. Исследователи, в частности, связывают становление индустриального капитализма в Европе с начала XIX в. со сдвигом «центра тяжести» экономического развития вглубь континента, где сформировалось своеобразное «супер-ядро» тяжелой промышленности, охватывающее северо-восточные районы Франции, юг Бельгии (Валлония) и – в наибольшей степени – западную часть Германии с ее индустриальным «сердцем» в Рурском бассейне.⁷⁹⁴

Кульминационным завершением этой тенденции стали подведение экономической базы под политическое объединение Германии в 1871 г. и ее мощный промышленный взлет в последней трети XIX в., а ее геополитическим отражением – выросшая на почве глобальных амбиций Германии концепция «Срединной Европы» (*Mitteleuropa*).⁷⁹⁵ Неотъемлемой чертой этого «континентального» типа развития стано-

---

⁷⁹³ Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. – 1904. – Vol. XXIII, No. 4 – P. 433.

⁷⁹⁴ Delamaille D. The New Superregions of Europe. – N.Y., 1994. – P. 147–148, 155.

⁷⁹⁵ См.: Meyer, Henry Cord. *Mitteleuropa in German Political Geography* // *Annals of American Association of Geographers*. – 1946. – No. 36. – P. 178–194.

вилась опора на емкий внутренний рынок как преимущественный источник экономического роста, а в перспективе – стратегическая ориентация на достижение экономической автаркии как самой надежной гарантии против вероятной в военное время внешней блокады. То, что эти расчеты были отнюдь не иллюзорными, доказал опыт Германии во время Первой мировой войны, когда она в течение четырех с половиной лет, фактически, без всякой поддержки от своих союзников и в условиях английской морской блокады смогла нанести поражение России и значительно потеснить на фронтах англо-французские силы.⁷⁹⁶ Создать перелом в военной борьбе в пользу Антанты позволило лишь вмешательство в войну Соединенных Штатов.

П. Кеннеди отмечает, что в эволюции мирового хозяйства особый «континентальный» фазис, связанный с крупными сдвигами в пространственно-географической модели индустриального производства, может быть хорошо прослежен для начала XX в. в подъеме, по крайней мере, трех быстрорастущих экономических регионов – Центральной Европы (Германия), Российского «Хартлэнда» и Среднего Запада США.⁷⁹⁷

При этом всем трем регионам было присуще поразительное сходство базисных характеристик и параметров развития. Одну из таких черт Д. Деламэйд находит в германской модели т.н. «рейнского» капитализма, которую от стадияльно более ранней «англосаксонской» коммерческой модели, ориентированной на либеральный индивидуализм, жесткую конкуренцию и краткосрочную прибыль, отличала ориентация на общественный консенсус и долгосрочную максимизацию прибыли (разумеется, в тех ограниченных пределах, которые вообще допускает частно-капиталистическое хозяйствование).⁷⁹⁸

Эта новая парадигма индустриального прогресса находилась в тесной связи с соображениями экономии масштаба, возрастающим значением сознательно-планового начала, технической рационализации и организации массового труда, т.е. с теми принципами хозяйствования, которые были присущи становлению крупной промышленности – прежде всего, ее тяжелых отраслей. Похожую трансформацию, но с поправкой на специфический исторический опыт, на рубеже XIX – XX вв. испытывала американская экономика, где расцвет корпоративной организации в промышленности и фондового рынка как инструмента капитализации сопровождался становлением институтов государственно-общественного регулирования частного бизнеса – как в форме его спонсирования и страховой поддержки, так и в виде антитрестовских

---

⁷⁹⁶ Northedge F.S. *The Troubled Giant. Britain among the Great Powers.* – L., 1966. – P. 623.

⁷⁹⁷ Kennedy P. *Op. cit.* – P. 50.

⁷⁹⁸ Delamaide D. *Op. cit.* – P. 162.

ограничений.⁷⁹⁹ При этом даже с выходом американского капитализма к началу XX в. на лидирующие позиции в мире, он находил опору для своего развития не в расширении экспорта, а преимущественно в неограниченной емкости внутреннего рынка.⁸⁰⁰

Переход промышленности на новую стадию развития неизбежно требовал подведения под ее укрупненные организационно-технические формы и новой ресурсно-энергетической базы, что влекло за собой изменения в географической модели размещения производства. По существу, уже в начале XX в. со всей очевидностью проявляла себя сформулированная в 1960-х гг. Ф. Перру закономерность, согласно которой каждая новая стадия индустриального развития, влекущая за собой кардинальные изменения состава и технико-технологического уровня ведущих отраслей, связана с возникновением новых территориальных баз развития («полосов роста»), наилучшим образом соответствующих по своим ресурсным возможностям новому типу и масштабу производства.⁸⁰¹

Необходимость перемещения крупной промышленности к более богатым, еще не затронутым эксплуатацией ресурсным базам создавала долговременный тренд внутриконтинентальной ориентации хозяйства, которая в перспективе обеспечивала более консолидированную и сбалансированную структуру национальной экономики. В соединении с усиливающейся ориентацией развития промышленности на внутренний спрос, тесным переплетением интересов капитала со стратегическими интересами государства этот пространственный вектор давал сильнейший импульс идеологии и практике экономического национализма. Последний, по-видимому, и стал той подспудной силой, которая привела, в конечном счете, к «срыву» т.н. «второй глобализации»⁸⁰² – беспрецедентного взлета международной торговли и вывоза капитала, который мир переживал примерно с 1870 по 1914 г. Эффект достигнутой тогда степени экономической интеграции был недостаточно глубоким, поскольку интернационализация экономики не охватывала ведущего звена экономики – сферы производства.⁸⁰³

В той мере, в какой развитие экономики в этот период подчинялось перспективному видению и переплеталось со стратегическими интересами государства, оно шло рука об руку с геополитикой, которая не только вносила в процессы наращивания национальной индустриальной мощи силовое, милитарное измерение, но и в целом ряде случаев

---

⁷⁹⁹ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. – М., 1992. – С. 338 – 341.

⁸⁰⁰ Miller W. A New History of the United States. – N.Y., 1969. – P. 292.

⁸⁰¹ Regional Economic Development. Essays in honour of François Perroux / Ed. by B. Higgins and D.J. Savoie. – Boston, 1988. – P. 8 – 9.

⁸⁰² «Первой глобализацией» большинство исследователей считает эпоху расцвета колониальной торговли, которая последовала за Великими географическими открытиями (XVII – XVIII вв.).

⁸⁰³ Dicken P. A New 'Geo-Economy': patterns, processes, problems // Companion Encyclopaedia of Geography. The Environment and Humankind / Ed. by J. Douglas, R. Haggett and M. Robinson. – L.; N.Y., 1996. – P. 371 – 372.

предваряла их, определяя важнейшие пространственные векторы экспансии. Как правило, вызревавшие на этой почве геополитические доктрины приобретали значение и масштаб общенациональной идеологии, поощрявшей либо империалистические, великодержавные амбиции (как в случае с концепцией «Срединной Европы»), либо высокомерносдержанный изоляционизм (как в США).

Очевидно, что развитие России и в главнейших чертах, и даже в частностях также подчинялось вышеотмеченным закономерностям. На рубеже XIX – XX вв. отчетливо выявился такой лимитирующий развитие страны фактор как узость сложившейся территориальной базы промышленного роста. Столь необходимое России развитие крупной промышленности для большей ее части представляло совершенно новую задачу, поскольку, по наблюдению великого энтузиаста отечественного индустриализма Д.И. Менделеева, области «чисто промышленного, т.е. наиболее сложного и развитого быта» ограничивались в стране окрестностями Москвы, Петербурга, Риги и Варшавы – немногих центров, выросших на путях тесного общения с Европой. Коренное несовершенство территориальной организации российской экономики Менделеев видел в тех же контрастных категориях, в каких его позднее видели и советские экономисты: на одном полюсе – густо населенные, оплодотворенные культурой и ранним приобщением к промышленному укладу области центра и севера Европейской России, на другом – еще только колонизируемые, малонаселенные, но богатые плодородными землями и природными ресурсами окраины (Юг, Кавказ, Урал, Сибирь).

Движение промышленности на окраины с их земельным простором и громадными «запасами природных материалов», по Менделееву, не сводилось к простому ее рассеянию по территории страны. Исключительно удачное сочетание в новых районах всех основных факторов производства способно было сделать их промышленное развитие «наиболее плодородным и выгодным для всей страны», придать индустриальному прогрессу новое качество роста и новые, более высокие организационно-технические формы.⁸⁰⁴

Еще более определенно эта мысль зазвучала позднее – в период большевистской индустриализации. Именно в слиянии задач индустриализации с программами освоения бескрайних, богатых ресурсами пространств Евразии Н.И. Бухарин усматривал возможность для Советской России не только достичь «американского размаха» в развитии промышленности, но и превзойти его.⁸⁰⁵ Таким образом, зависимость перехода России на новую ступень индустриального прогресса от сдвига

---

⁸⁰⁴ Менделеев Д.И. С думою о благе российском. Избранные экономические произведения. – Новосибирск, 1991. – С. 42, 44.

⁸⁰⁵ Бухарин Н.И. Избранные труды. История и организация науки и техники. – Л., 1988. – С. 33.

промышленных центров на восток, вглубь континента, выстраивалась в некоторую объективно-предначертанную потребность развития страны.

Существенно и то, что преемственно перетекавшие из России царской в Россию советскую идеи «восточного сдвига» находилась под мощным влиянием крепнущего «оборонного сознания», переплетающегося с экономическим национализмом. Сетования по поводу засилья иностранных капиталов в русской промышленности в сознании многих представителей русской общественной мысли начала XX в. напрямую увязывались со стратегическими изъянами размещения ее основных мощностей в узкой пограничной полосе между Балтикой и Черным морем – очень часто в роли придатков западноевропейской экономики и уязвимых мишеней для вражеской артиллерии. Поэтому усиление «срединной базы» русской промышленности должно было служить наилучшей гарантией сохранения позиций России как великой державы в условиях нарастающих международных угроз на ее западных и восточных границах.

О вероятности и близости очередного раунда борьбы за передел мира наглядно свидетельствовали тогда русско-японская война и обострение ситуации на Балканах. Известным географом В.П. Семеновым-Тянь-Шанским вопрос о построении новой пространственной структуры российской экономики ставился в еще более смелой перспективе: устойчивость и безопасность развития страны должна была, по его мнению, опираться не на одну, а на целых четыре «срединных» культурно-экономических базы – на Урале, Алтае, в горном Туркестане и Кругобайкальской области.⁸⁰⁶

Особенно важное значение в этой структуре должен был занять Урал, который, по мнению географа, самой природой был предназначен к превращению в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение для всей Российской Империи», и это его предстоящее развитие должно было стать «естественным и мужественным перемещением части центра тяжести нашей экономической и культурной жизни вслед за нашей колонизацией на восток».⁸⁰⁷

Большевики же, в силу самих условий своего прихода к власти, не могли не сделать упора, прежде всего, на эту оборонно-милитарную составляющую индустриальной «программы» русского буржуазного патриотизма, придав ей – ввиду резко обострившейся конфронтации с капиталистическим Западом – силу безусловного императива. О реши-

---

⁸⁰⁶ Об этом подробнее см.: *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономика в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). – СПб., 2009. – С. 170 – 175.

⁸⁰⁷ *Семенов-Тянь-Шанский В.* Предисловие к пятому тому // *Россия. Полное географическое описание нашего отечества* / Под общим руководством В.П. Семенова-Тянь-Шанского и В.И. Ламанского; под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. – Т. V. Урал и Приуралье. – СПб., 1914. – С. IV.

тельности и неотложности этого курса лучше всего говорили обстоя-⁸⁰⁸тельства разработки и продвижения Урало-Кузбасского проекта.

Характеризуя «континентальный» фазис в развитии наиболее перспективных национальных экономик, нельзя обойти вниманием важнейший геополитический фактор, который уже с конца XIX в. обеспечивал континентально-ориентированным экономикам абсолютное превосходство над экономиками, зависящими от международной (преимущественно морской) торговли. Х.Дж. Маккиндер был одним из первых исследователей, кто связал эти изменения в соотношении мировых экономических сил с наступлением так называемой «пост-Колумбовой» эпохи –⁸⁰⁹ началом массового железнодорожного строительства.

Маккиндер подчеркивал, что до прокладки трансконтинентальных магистралей и создания развитых сетей железных дорог ни об одном из континентальных государств – в отличие, скажем, от «морских» империй – нельзя было говорить как о целостном экономическом и геополитическом организме. Поэтому из-за разобщенности своей экономической жизни «континентальные» нации, по общему правилу, уступали в силовом отношении «морским». Размеры территории, ресурсное богатство, демографический потенциал – все это неизбежно обесценивалось в реальном силовом измерении, если не обладало коммуникационной связностью. Железные дороги существенно усилили геостратегическое значение внутриконтинентальных, «срединных» регионов, поскольку не только обеспечивали оперативность переброски отсюда военных сил и вооружений к любым границам, но и повышали мобильность населения, а с ним и темпы вовлечения в экономический оборот колоссальных объемов экономических ресурсов. Фактически, Маккиндер доказывал, что прогресс наземного транспорта к началу XX в. кардинально изменил ценность больших континентальных пространств, а вместе с этим – усилил мотивацию к их ускоренному освоению. Геополитика как способ обеспечения внешней безопасности государства здесь определенно шла впереди экономики, поскольку тот или иной пространственный вектор развития экономики формировался под влиянием если не осознанного, то, по крайней мере, интуитивного стремления государств к достижению позиции силового превосходства.

К специфике, которая отличала «восточный сдвиг» российской промышленности от развития центрально-европейского и американского континентальных «полюсов роста», пожалуй, можно отнести то, что в России, в силу ее большей экономической и культурно-технической отсталости, этот процесс должен был реализоваться не столько в по-

---

⁸⁰⁸ Об этом подробнее см.: *Зубков К.И.* Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // *Уральский исторический вестник*. – 2011. – № 1(30). – С. 22 – 27.

⁸⁰⁹ *MacKinder H.J.* Op. cit. – P. 434.

рядке поступательной эволюции хозяйственной практики, сколько в режиме форсированного, сжатого во времени «скачка», подстегнутого политико-идеологическим фактором. Если И. Валлерстайн прав в трактовке Октября 1917 г. как «национально-освободительной» революции на полупериферии («миро-системы») – антиимпериалистической по лозунгам и модернизаторской по сути,⁸¹⁰ то вполне понятно, что такой политический переворот становился едва ли не необходимым условием радикального ускорения экономического прогресса страны – в том числе и изменения ее территориально-экономической структуры. Поразительно в этом свете, прежде всего, одно историческое совпадение – а именно, то, что антиимпериализм большевиков, заставлявший их воспринимать внешнее окружение как исключительно враждебное, вынуждал вести строительство «социализма в одной стране» геополитически в том же направлении, в каком это могли бы при других обстоятельствах делать силы экономического национализма – возможно, в менее форсированной и менее жертвенной форме.

Далеко не случаен тот факт, что к финалу Второй мировой войны, которая стала самой серьезной проверкой ресурсной силы и технологического уровня экономик воюющих стран, на роль подлинно мировых держав смогли претендовать, по существу, только три государства: Германия, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.⁸¹¹ Удостоверенную войной мощь их экономик, наверно, нельзя полностью объяснять из логики их пространственного построения, но общий для них вектор усиления континентального ресурсного «ядра», несомненно, может рассматриваться как одна из важных линий детерминации в формировании национально-страновых экономических систем на определенном историческом этапе.

А.В. Иванченко
Екатеринбург

«ЭКОНОМИКА ДЕФИЦИТА»: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ДИСБАЛАНСА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ СССР

Хроническая неспособность плановой экономики СССР удовлетворить потребительский спрос населения свидетельствовала о значительных внутривозьственных диспропорциях и являлась источником социального напряжения и недовольства в советском обществе. На

---

⁸¹⁰ Валлерстайн И. Концы знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 2003. – С. 18 – 19.

⁸¹¹ См.: Schweller Randall L. Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest. – N.Y., 1998.